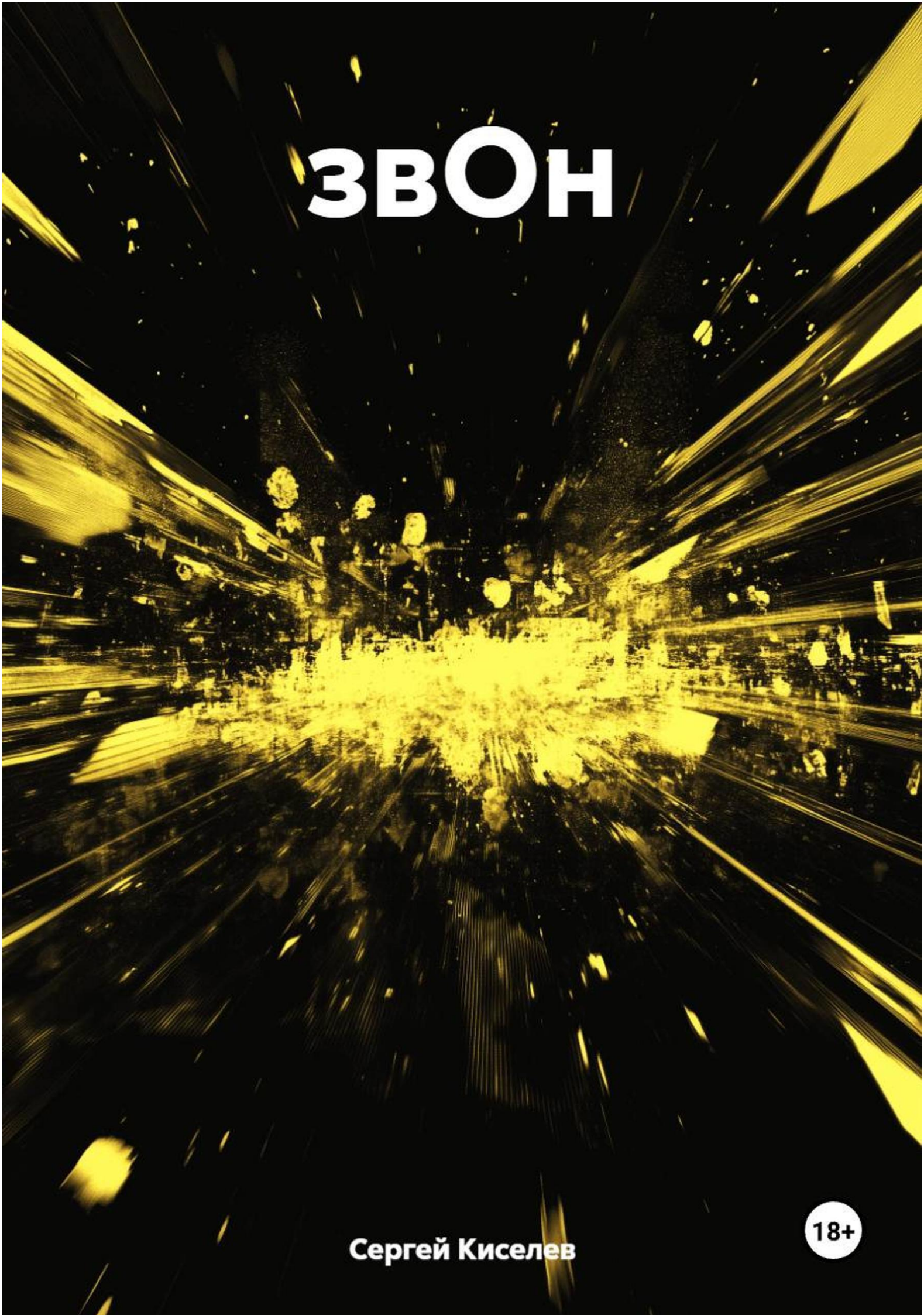

ЗВОН
Сергей Киселев
18+

Сергей Киселев

звОн

«Автор»
2025

Киселев С.

звОн / С. Киселев — «Автор», 2025

Ларс Тумберг — уважаемый ветеринар из Стокгольма. Сорок лет назад он стал свидетелем жестокого убийства собаки и звон разбитого стекла до сих пор звучит в его голове. Когда он снова сталкивается с живодёром, Ларс решает, что общество не умеет лечить таких людей. Он оборудует подпольную операционную и начинает «лечение» — парализует жертв и причиняет им боль, чтобы научить эмпатии. Но чем дальше он заходит, тем яснее понимает: он сам стал живодером. «Звон» — книга о травме, которая не проходит и о выборе между местью и прощением.

© Киселев С., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Запах хлоргексидина 6
Глава 2. Бутылка молока 13
Глава 3. Неизлечимый пациент 16
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Сергей Киселев
звОн

Глава 1. Запах хлоргексидина

В клинике Ларса Тумберга на Сёдермальме утро начиналось не со звонка будильника. Оно начиналось с запаха.

Хлоргексидин. Озон от бактерицидных ламп, которые горели всю ночь, очищая воздух от невидимых врагов. И чуть-чуть — едва уловимо, как воспоминание — тёплая шерсть, впитавшаяся в стены за пятнадцать лет работы. Этот запах Ларс узнал бы с закрытыми глазами, в любом городе, на любом континенте. Он был его домом. Его церковью. Его убежищем от мира, где люди причиняли боль тем, кто не мог ответить.

Ларс пришёл в клинику в шесть тридцать, за полтора часа до открытия. Он любил это время — до прихода сотрудников, до звонков, до того момента, когда в коридорах начинали плакать чьи-то коты, а владельцы нервно перелистывали журналы в приёмном покое. В эти часы клиника принадлежала только ему и тем, кто не мог говорить за себя.

Он прошёл по коридору в операционную, включил свет. Лампы дневного света зажглись с тихим гудением, залили помещение стерильно-белым сиянием. Ларс остановился у операционного стола, провёл ладонью по холодной нержавеющей стали. Стол был пуст. Но Ларс знал: к полудню на нём будет биться чья-то жизнь. И от его рук будет зависеть, продолжит ли она биться или остановится навсегда.

Он начал готовить инструменты. Скальпели — в стерильных упаковках, каждый на своём месте, лезвия обращены в одну сторону, как солдаты на параде. Иглы — в вакуумных пакетах, тонкие, как волоски, острые до невозможности. Зажимы, пинцеты, лигатуры — каждый инструмент лежал на своей стерильной салфетке, в идеальном порядке, который Ларс называл «геометрией жизни». Аппарат наркоза прошёл самопроверку — тихий писк, зелёная лампочка загорелась, подтверждая готовность. Монитор сердечного ритма. Инфузомат для точного введения препаратов. Всё было на своих местах. Всё было под контролем.

Ларс надел хирургический костюм — синий, безупречно чистый, выстиранный при температуре, которая убивала все бактерии. Перчатки — латексные, хрустнули, когда он расправил их по запястьям. Щёлк. Щёлк. Он любил этот звук. Он означал, что граница между миром и операционной проведена. Дальше — только он, инструменты и жизнь.

В семь пятнадцать в клинику вошла Элин, старшая медсестра. Высокая, худая, с коротко стриженными седыми волосами и лицом, которое не знало улыбок, но знало сострадание. Она проработала с Ларсом одиннадцать лет и знала его лучше, чем кто-либо. Знала, что он не пьёт кофе до операции — кофе делает руки менее стабильными. Знала, что он никогда не повышает голос — даже когда животные умирают на его руках. Знала, что по утрам он молчит — не из угрюмости, а потому что собирается, как хирург собирается перед сложной операцией.

— Доброе утро, доктор Тумберг.

— Доброе утро, Элин.

— В восемь тридцать — кастрация кота, владелец настаивает, чтобы вы делали лично. Говорит, что доверяет только вам. В одиннадцать — удаление опухоли у спаниеля, фрёкен Линдквист привезла её вчера из Уппсалы, три часа на поезде, бедная женщина. И... — она замялась, посмотрела в планшет, её брови слегка нахмурились. — Экстренный случай. Хозяйка звонила в семь утра. Её ретривер, восемь лет, съел что-то на прогулке. Рвота, слабость, отказывается вставать. Везут сюда. Скорость — максимальная.

Ларс кивнул. Лицо его не изменилось, но внутри что-то сжалось — не страх, а готовность. Он знал, что это значит. Знал, какие предметы находят в желудках собак: носки, камни, кости, игрушки, кусочки пластика, которые хозяева не замечают, пока не становится слишком поздно. Знал, что иногда — редко, но бывает — это отрава. Крысиный яд, оставленный в парке. Изониазид, который кто-то рассыпал из мести к бродячим псам.

— Готовьте вторую операционную, — сказал он. — Анестезию по протоколу. Всё, что нужно для экстренной лапаротомии. Я буду через минуту.

Он остался один. Посмотрел на часы. До приезда экстренной пациентки — сорок минут. Он сел на табурет у операционного стола, закрыл глаза.

Тишина. Только гудение ламп.

Ларс не молился. Он не верил в Бога, в которого верила его мать. Но в эти минуты, перед тем как взять в руки скальпель, он всегда замирал. Не для молитвы — для настройки. Как хирург, который настраивает инструмент перед тем, как коснуться живой ткани. Он настраивал себя. Восемь лет. Ретривер. Съел что-то на прогулке. Он повторял эти слова, как мантру, как заклинание, которое должно было удержать мир в равновесии.

Он открыл глаза. Посмотрел на свои руки. Они лежали на коленях спокойно. Они никогда не дрожали.

Фру Анна Карлссон приехала в восемь двадцать пять, на пять минут раньше назначенного. Ларс встретил её в приёмном покое.

Она была невысокой, полной женщиной лет шестидесяти, с короткой стрижкой и красными от слёз глазами. На руках у неё, завёрнутый в её шерстяной шарф — тот самый, который она вязала прошлой зимой — лежал золотистый ретривер. Пёс дышал тяжело, с хрипом, его бока вздымались и опадали, как кузнечные мехи. Из пасти текла густая слюна, смешанная с кровью. Глаза — большие, карие, влажные — смотрели на Ларса с тем самым выражением, которое Ларс знал наизусть: *помоги мне, пожалуйста, я не понимаю, что со мной, но я доверяю тебе*.

— Это Бруно, — сказала фру Карлссон. Голос сорвался на полуслове. — Ему восемь лет. Мы гуляли в Хагапаркене, он что-то подобрал с земли, я не успела... я не успела, доктор, я не успела...

Она заплакала. Слёзы капали на шарф, на шерсть пса, смешиваясь со слюной. Бруно слабо лизнул её руку — жест, который говорил: *я здесь, я с тобой, не плачь*.

Ларс не сказал *успокойтесь*. Он не сказал *всё будет хорошо*. Он никогда не говорил этих слов — они были ложью, а Ларс не лгал. Ложь была для тех, кто не мог смотреть правде в глаза. Ларс смотрел. Всегда.

Он протянул руки.

— Дайте его мне.

Фру Карлссон передала пса. Ларс почувствовал его вес — тяжёлый, тёплый, живой. Пёс был тяжелее, чем должен был быть — отёк, воспаление. Но он был жив. И это было всё, что имело значение. Пёс посмотрел на него, и в этом взгляде не было страха. Была только боль и просьба.

Ларс кивнул фру Карлссон.

— Подождите здесь. Я вернусь, как только смогу сказать что-то определённое.

Он понёс Бруно в операционную. За спиной слышал, как фру Карлссон шепчет: *пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста*. Эти слова были как молитва, которую он не мог произнести.

В операционной Ларс положил пса на стол. Элин уже подготовила всё: аппарат УЗИ, эндоскоп, набор для экстренного промывания, инструменты для лапаротомии. Ларс надел лупу, подключил монитор. Сердце Бруно билось часто — сто сорок ударов в минуту. Давление падало. Слизистые были бледными, с синюшным оттенком — признак внутреннего кровотечения.

— Анестезию, — сказал Ларс.

Элин ввела пропофол. Пёс перестал сопротивляться, его тело обмякло, но Ларс видел, как под тонкой кожей вздрагивают мышцы. Боль никуда не делась. Она просто ушла глубже, спряталась там, где её не видно, но где она продолжала разрушать.

Ларс начал обследование. Прощупал живот — напряжён, болезнен. Бруно дёрнулся, даже сквозь наркоз. Ларс говорил с ним тихо, успокаивающе, хотя знал, что пёс не слышит: *всё хорошо, малыш, всё хорошо, я здесь*. Открыл пасть — слизистые бледные, с синюшным оттенком. Зрачки расширены.

— УЗИ.

Элин поднесла датчик. На экране появилась картина, которую Ларс прочёл за секунду — пятнадцать лет практики научили его читать эти изображения, как другие читают книги: желудок растянут, в нём — инородное тело. Крупное. Непроходящее. И вокруг — свободная жидкость.

Перфорация.

Ларс выругался про себя. Тихо, одними губами. Элин услышала, но не подала виду. Она знала: когда Ларс ругается, это значит, что он сосредоточен. Когда он молчит — это значит, что он напуган.

— Готовьте к лапаротомии, — сказал он. — Быстро. У нас меньше часа, пока перитонит не станет необратимым.

Они работали сорок семь минут. Ларс вскрыл брюшную полость — и увидел то, что ожидал. Кусок плотной резины, полтора на три сантиметра, застрял в привратнике желудка и прорвал стенку. Содержимое желудка вылилось в брюшную полость. Перитонит начался.

Ларс извлёс инородное тело — это оказалась часть детской игрушки, какой-то резиновый колёсик от машинки. Кто-то выбросил его в парке. Кто-то не подобрал. Бруно подобрал. И теперь за эту чью-то небрежность пёс умирал.

Ларс промыл брюшную полость тёплым физраствором — литр за литром, пока жидкость не стала чистой. Ушил перфорацию — двурядным швом, нитью, тонкой, как волос. Проверил герметичность. Ввёл антибиотики широкого спектра. Обезболивание — местное и системное. Капельница с растворами.

Он работал без единого лишнего движения. Его руки знали, что делать, ещё до того, как мозг формулировал команду. Это было не мастерство — это была память тела. Пятнадцать лет, тысячи операций, каждая из которых оставила след в его пальцах.

Когда он закончил, Бруно был стабилен. Давление поднялось. Сердце билось ровнее — девяносто два удара в минуту. Пёс ещё не очнулся, но он был жив.

Ларс снял перчатки. Вышел из операционной.

Фру Карлссон сидела в приёмном покое на том же стуле, на котором он её оставил. Она не двигалась. Шарф на её коленях был пуст — Бруно унесли в послеоперационную палату. Она смотрела в одну точку.

Ларс сел напротив.

— Фру Карлссон.

Она подняла глаза — и он снова увидел это выражение, от которого у него сводило внутренности.

— Бруно жив, — сказал Ларс. — В желудке был кусок резины. Он прорвал стенку, началось воспаление. Я удалил инородное тело, ушил перфорацию, промыл полость. Сейчас он под капельницей, получает антибиотики и обезболивание.

Фру Карлссон не дышала.

— Следующие сорок восемь часов — критические, — продолжил Ларс. — Если перитонит не даст осложнений, он поправится. Полное восстановление — две-три недели. Я буду наблюдать его сам.

Она выдохнула. Звук был длинным, дрожащим, почти стоном. Потом она заплакала — тихо, беззвучно, слёзы текли по щекам, капали на шарф.

— Спасибо, — сказала она. — Спасибо вам. Вы не представляете... он для меня... он единственный...

Ларс молчал. Он не знал, что сказать. Он никогда не знал, что сказать в такие моменты. Слова утешения казались ему фальшивыми, как дешёвая открытка.

— Я пойду к нему, — сказала фру Карлссон, вставая. — Можно?

— Через час, — сказал Ларс. — Ему нужно очнуться. Я сам позову вас.

Она кивнула. Сунула руку в сумку, достала конверт.

— Это... это вам. Пожалуйста. Я знаю, это глупо, но...

Ларс посмотрел на конверт. Он видел такие конверты десятки раз.

— Фру Карлссон, моя работа —

— Пожалуйста, — перебила она. — Возьмите. Я не могу... я не знаю, как отблагодарить. Он для меня — всё. Мой муж умер три года назад. Дети в Австралии. Бруно — он единственный, кто...

Она не договорила. Положила конверт на стол между ними.

— Спасибо, — сказала она ещё раз. — Спасибо, что вернули мне его.

Она ушла. Ларс смотрел на конверт. Не трогал его.

Через минуту вошла Элин. Увидела конверт, увидела лицо Ларса.

— Доктор?

— Уберите, — сказал Ларс. — В фонд. Как всегда.

Элин взяла конверт, не спросив больше ничего. Она знала: Ларс никогда не берёт денег сверх счёта. Никогда. Это было одним из немногих правил, которые он не нарушал.

Кастрацию пришлось сдвинуть — кот ждал в переноске, пока Ларс зашивал Бруно. В десять тридцать Ларс сделал кастрацию коту. Операция простая, пятнадцать минут. Кот проснулся быстро, замурлыкал, когда Ларс погладил его по голове. Владелец — молодой парень, студент — расплакался от облегчения.

— Он такой маленький, доктор, я так боялся...

— Всё хорошо, — сказал Ларс. — Через два часа забирайте.

Опухоль у спаниеля тоже сдвинулась — на час. В два дня Ларс удалил опухоль у спаниеля фрёкен Линдквист. Опухоль была доброкачественной, но большой — с куриное яйцо. Ларс работал аккуратно, стараясь не задеть здоровые ткани. Спаниель перенёс операцию хорошо. Фрёкен Линдквист, сухая женщина в твидовом пиджаке, пожала Ларсу руку.

— Доктор Тумберг, вы волшебник.

— Я ветеринар, — сказал Ларс.

Она улыбнулась.

— Тем более.

В три часа дня Ларс вернулся к Бруно. Пёс очнулся. Лежал на тёплой подстилке в послеоперационной палате, под капельницей. Его карие глаза встретили глаза Ларса, и в них не было упрёка. Только узнавание.

Ларс сел рядом. Погладил пса по голове. Бруно слабо лизнул его руку.

— Молодец, — тихо сказал Ларс. — Ты молодец.

Он проверил швы. Чистые, без воспаления. Дыхание ровное. Температура — тридцать восемь и два, почти норма. Сердце — восемьдесят шесть.

Ларс достал телефон, набрал номер фру Карлссон.

— Бруно в порядке. Можете приехать.

На том конце провода заплакали.

Фру Карлссон приехала в четыре. Она принесла коробку — домашнее печенье, завёрнутое в пергамент. И ещё один конверт.

Ларс посмотрел на конверт.

— Фру Карлссон...

— Я знаю, вы не берёте, — сказала она. — Но это не вам. Это в клинику. Для таких, как Бруно, у которых нет денег на операцию. Пожалуйста.

Ларс молчал. Он посмотрел на неё — на её красные глаза, на руки, которые дрожали, на коробку с печеньем, которое она пекла всю ночь, наверное, чтобы чем-то занять себя.

— Хорошо, — сказал он. — Спасибо.

Она расплакалась снова. Бруно, услышав её голос, слабо застучал хвостом по подстилке.

Ларс позволил ей посидеть с псом полчаса. Он смотрел на них из коридора — на женщину, которая гладила своего старого пса, и на пса, который смотрел на неё так, будто она была всем его миром.

Он не завидовал. Он не чувствовал ничего.

Когда фру Карлссон ушла, Ларс вернулся в операционную. Ему нужно было подготовить инструменты к завтрашней операции.

Элин мыла пол в коридоре. Ларс прошёл мимо неё, вошёл в операционную, включил свет. Лампы зажглись с тем же тихим гудением.

Он надел новые перчатки. Латексные. Щёлкнули по запястьям.

Он начал раскладывать инструменты на стерильных салфетках. Скальпель — слева. Зажимы — по центру. Иглы — в специальном лотке, каждая на своём месте.

Он взял металлический лоток с инструментами, чтобы перенести его к столу.

Локоть задел край.

Лоток качнулся.

Ларс успел подумать: *сейчас будет звон*.

Сталь ударилась о кафельный пол — но вместо звона он услышал хруст.

Запах хлоргексидина исчез. Мгновенно, как будто его выключили, как лампу. Вместо него — запах мокрого асфальта, гнилой листвы и меди. Холод ноябрьского вечера обжёг щёки.

Ему снова семь лет.

В правой руке — стеклянная бутылка молока. Тяжёлая, ледяная, конденсат промочил рукав куртки. Он идёт по переулку, обходя лужи. Свернул, чтобы срезать путь. Между серыми бетонными стенами гаражей и старыми деревянными заборами тихо. Только шуршит дождь.

Ларс поравнялся с высоким, покосившимся забором из неструганых досок. Между двумя досками зияла щель — как раз на уровне его глаз.

Мальчик замедлил шаг. Он прижался щекой к сырой древесине и посмотрел в щель.

Двор был пустым. Посреди него стоял небольшой деревянный домик с двумя большими окнами, похожими на слепые глаза. Перед домом тянулась терраса с навесом. Под навесом стояли два плетёных кресла-качалки. Они были абсолютно неподвижны, и эта их неподвижность в сером полумраке казалась неестественной, застывшей.

По мокрому газону, от калитки к крыльцу и обратно, носилась собака. Дворняга. Облезлая, с торчащими рёбрами и жалким, поджатым хвостом. Она не просто бегала. Она что-то искала. Тыкалась мокрым носом в траву, фыркала, кружилась на месте, словно надеясь найти в этой промерзшей земле хоть какую-то крошку еды.

Ларс смотрел на неё, и в груди у него сжималось то самое детское, острое чувство жалости. Он уже потянулся было к карману, где лежала половина его бутерброда с колбасой, когда на террасу вышел человек.

Мужчина средних лет. На нём был старый свитер с вытянутыми локтями и штаны в масляных пятнах. Лицо скрывала неряшливая, седая, давно не стриженная борода. В правой руке мужчина держал кувалду.

Это был не маленький слесарный молоточек. Это была тяжёлая, ржавая кувалда на коротком, потемневшем от пота деревянном черенке.

Собака увидела хозяина. Она замерла, затем радостно взвизгнула и побежала к нему, виляя хвостом. Она думала, что сейчас будет игра. Или что он бросит ей кость.

Мужчина не улыбнулся. Он не нахмурился. Его лицо под седой бородой было совершенно спокойным, почти скучающим. Он просто поднял кувалду.

Ларс в щели забора перестал дышать. Время сгустилось, стало вязким, как остывающий жир. Он видел, как напряглась жилистая рука мужчины. Видел, как кувалда описала в сером воздухе короткую, смертельную дугу.

Удар пришёлся прямо по голове.

Звук был не таким, как в кино. Никакого громкого, кинематографичного хруста. Это был глухой, влажный, тошнотворный *чмок*, с которым тяжёлая сталь вминала в себя кость и ткань.

Собака не успела даже взвизгнуть. Её лапы подкосились. Она рухнула на мокрый газон, и из-под её головы, прямо в зелёную траву, начала расплываться тёмная, густая, почти чёрная в этом свете кровь. Пёс ещё дёргался. Его задние лапы мелко, часто били по земле, но он уже не издавал ни звука.

Мужчина с кувалдой не бросил инструмент. Он не зашёл в дом. Он просто встал рядом, опустив руку, и начал наблюдать. Он смотрел, как пёс истекает кровью, с тем же равнодушием, с каким смотрят на капающую из крана воду. В этом не было садизма. В этом было нечто гораздо более страшное — абсолютное, тотальное отсутствие эмпатии. Для этого человека убийство было просто действием. Как заварить чай. Как вынести мусор.

Мальчик за забором вздрогнул всем телом. Воздух застрял в его горле, превратившись в комок. Пальцы правой руки разжались сами собой.

Тяжёлая стеклянная бутылка упала.

Она разбилась об асфальт переулка с оглушительным, кристально чистым звоном. Белая лужа молока мгновенно смешалась с грязью и пылью.

Звон разбитого стекла был таким резким, что мужчина у дома медленно повернул голову. Его глаза, тусклые и водянистые, посмотрели прямо в щель забора. Прямо в глаза семилетнему Ларсу.

Ларс не помнил, как он развернулся. Он помнил только, как его ботинки хлюпали по лужам, как холодный воздух обжигал лёгкие, а в ушах, перекрывая шум дождя, звенело разбитое стекло и стучала кувалда. Он бежал, пока не уперся в дверь своего подъезда, и только там, упираясь спиной в холодное дерево, он смог закричать.

— Доктор Тумберг?

Голос Элин выдернул его из подвала памяти.

Ларс моргнул. Запах хлоргексидина вернулся — как будто его снова включили.

Он стоял посреди комнаты, и металлический лоток лежал на полу у его ног. Инструменты рассыпались — скальпели, зажимы, иглы.

Элин смотрела на него с тревогой.

— Доктор, вы в порядке?

Ларс посмотрел на свои руки. Они не дрожали. Они никогда не дрожали.

— В порядке, — сказал он. — Просто уронил.

Он наклонился, начал собирать инструменты. Один за другим. Скальпель — в стерильную упаковку. Зажим — на место. Иглы — в специальный лоток.

Элин хотела помочь, но он покачал головой.

— Я сам.

Он собрал всё за минуту. Аккуратно, методично, как делал операцию. Каждый инструмент — на своём месте.

Элин вышла, не сказав ни слова.

Ларс остался один. Он посмотрел на лоток. Все инструменты — на своих местах.

Он поправил латексную манжету перчатки, чтобы она щёлкнула по запястью. Щёлчок был сухим и чётким.

Кувалда осталась в прошлом. Но звон разбитого стекла он будет слышать до самой смерти.

Ларс выключил свет в операционной. Вышел в коридор. Прошёл в свой кабинет, сел за стол. Перед ним лежали карты пациентов. Он открыл первую. Кот, три года, домашний, здоровый. Он машинально написал: «Всё в порядке. Следующий визит — через год».

Закрыл карту. Посмотрел в окно.

За окном темнел стокгольмский вечер. Горели фонари. Где-то далеко лаяла собака.

Ларс слушал этот лай. Долго.

Потом встал, надел пиджак и пошёл домой.

Глава 2. Бутылка молока

Ларс пришёл домой в восемь вечера.

Его квартира на Эстермальме занимала третий этаж старого дома с высокими потолками и узкими окнами. Она была образцом шведского минимализма: белые стены, светлый дубовый паркет, ни одной лишней вещи. Мебель — функциональная, из IKEA, купленная десять лет назад и не заменённая ни разу. На стенах — ни картин, ни фотографий. Только одна репродукция: анатомический атлас собаки, висевший в кабинете рядом с дипломом ветеринарного врача.

Квартира пахла кедром и бергамотом. Ларс выбрал этот аромат потому, что он был нейтральным — не сладким, не цветочным, не напоминающим ни о чём. Он не любил запахи, которые вызывали воспоминания.

Он снял пиджак, повесил его в шкаф. Разделся. Повесил рубашку на вешалку. Повесил брюки. Всё — на свои места. Идеальный порядок.

Прошёл в кухню. Открыл холодильник. Достал бутылку минеральной воды. Выпил половину, стоя у раковины. Поставил бутылку обратно. Закрыл холодильник.

Молока в холодильнике не было. Ларс не покупал молоко уже больше сорока лет.

Он сел в кресло у окна. Включил настольную лампу — тёплый, жёлтый свет. За окном темнел Стокгольм. Горели фонари. Где-то далеко гудел паром. Где-то близко лаяла собака.

Ларс слушал лай. Долго.

Он не знал, чья это собака. Не знал, как она выглядит. Не знал, хорошо ли с ней обращаются. Но он слушал — и что-то внутри него сжималось. Не боль. Не жалость. Что-то другое. Что-то, что он не мог назвать.

Он закрыл глаза.

И сразу увидел щель в заборе.

Ларс снова увидел дворнягу, мужчину с кувалдой, кровь на траве. Он снова пережил тот момент, когда пальцы разжались сами собой, и бутылка полетела на асфальт. Звон разбитого стекла, взгляд водянистых глаз сквозь щель — и бегство. Он бежал до самого подъезда и только там, упираясь спиной в холодное дерево, смог закричать.

Мама нашла его у двери. Она вышла на его крик, увидела его лицо — белое, с широко открытыми глазами — и поняла, что случилось что-то страшное.

— Ларс? Что случилось?

Он не мог говорить. Он только плакал. Слёзы текли по щекам, капали на куртку, на рукав, который был мокрым от конденсата бутылки молока.

Мама обняла его. Прижала к себе. Он чувствовал запах её духов — лаванда и ваниль. Этот запах он помнил до сих пор.

— Тихо, тихо, — шептала она. — Что произошло, малыш?

Он рассказал. Не сразу. Сначала только плакал. Потом, сквозь всхлипы, рассказал про собаку. Про мужчину. Про кувалду.

Мама побледнела. Она не спросила, правда ли это. Она увидела его глаза — и поверила.

— Пойдём, — сказала она. — Пойдём домой.

Она взяла его за руку. Повела в подъезд. Поднялась с ним на третий этаж. Открыла дверь. Посадила его на диван.

Мама позвонила в полицию. Приехали два полицейских. Они выслушали её, выслушали Ларса, записали всё в блокнот.

— Мы найдём этого человека, — сказал один из них. — Не волнуйтесь.

Но они не нашли. Или нашли, но ничего не сделали. Ларс не знал. Он только знал, что мужчина с кувалдой больше не жил в том доме. Дом стоял пустой, с заколоченными окнами.

А собака — собака была мертва.

Ларс открыл глаза.

Квартира была тихой. За окном всё так же горели фонари. Всё так же лаяла собака.

Он посмотрел на свои руки. Они лежали на подлокотниках кресла. Они не дрожали. Они никогда не дрожали.

Но он помнил.

Он помнил, как после того дня он перестал пить молоко. Мама пыталась — варила ему тёплое молоко с мёдом, как раньше. Но он не мог. Он смотрел на белую жидкость в стакане — и видел кровь на траве. Видел разбитое стекло. Видел глаза мужчины.

Он помнил, как в двенадцать лет он нашёл на улице раненого котёнка. Котёнок лежал в канаве, с перебитой лапой. Ларс принёс его домой. Мама ругалась, но позволила оставить. Ларс выходил котёнка. Котёнок выжил. Ларс назвал его Снурре.

Снурре жил с ним три года. Потом — однажды утром — Ларс нашёл его мёртвым. Снурре просто умер. Старость. Болезнь. Ларс не знал. Он только знал, что Снурре мёртв.

Он похоронил Снурре в парке. Под берёзой. Он плакал. Впервые с того дня, когда уронил бутылку молока.

И он понял.

Понял, что любит животных больше, чем людей. Потому что животные не убивают друг друга просто так. Потому что животные не стоят рядом с тем, кого убили, и не курят. Потому что животные — они хорошие.

А люди — люди разные.

Ларс встал. Прошёл в ванную. Включил свет. Посмотрел в зеркало.

Из зеркала на него смотрел уважаемый человек. Директор сети клиник. Человек, который за день спасает десятки жизней. Человек, которого благодарят, которому жмут руки, которому доверяют самое дорогое.

Но Ларс смотрел не на своё лицо. Он смотрел на свои руки.

Эти руки умели накладывать швы, которые заживали без единого шрама. Эти руки умели вводить анестезию так, что животное засыпало без страха. Но в глубине души, в том самом подвале, куда Ларс запирал свои воспоминания, эти руки знали правду.

Они помнили, как легко разжимались его детские пальцы. Они помнили, что закон, полиция, суды — все эти институты человеческого общества — были бессильны перед мужчиной с седой бородой. Если бы полиция тогда нашла этого человека, его бы оштрафовали. Или посадили на полгода. А потом он бы вышел. И снова взял кувалду. Потому что для него это не было преступлением. Это было нормой.

Ларс открыл кран и подставил руки под ледяную воду.

Мир был болен. Болезнь эта носила человеческие лица и жила в аккуратных домиках с террасами и креслами-качалками. А общество пыталось лечить её разговорами и клетками.

Но Ларс был врачом. Он знал, что иногда лечение — это ампутация.

Ларс закрыл кран. Он взял полотенце, тщательно вытер руки и посмотрел в зеркало ещё раз. В глазах больше не было страха семилетнего мальчика. Там не было эмоций. Только точность.

Ему нужно было найти их. Тех, кто держал кувалду. И показать им, каково это — лежать на столе, когда над тобой склонился хирург.

Ларс выключил свет в ванной. Прошёл в спальню. Лёг в кровать.

Он не спал.

Он лежал и смотрел в потолок. За окном всё так же лаяла собака. Он слушал этот лай — и думал о том, что завтра будет новый день. Новый день в клинике. Новые операции. Новые спасённые жизни.

И он думал о том, что где-то в этом городе есть люди, которые держат кувалды. Которые стоят рядом с умирающими животными и курят. Которые не понимают, что они делают.

И он знал, что найдёт их.

Потому что он был врачом.

И лечение только начиналось.

Глава 3. Неизлечимый пациент

Ларс не спал всю ночь.

Он лежал в кровати с открытыми глазами и смотрел в потолок. За окном темнел Стокгольм. Где-то далеко лаяла собака — та самая, которую он слышал вчера. Лай не прекращался. Он был ровным, монотонным, как звук работающего двигателя.

Ларс слушал этот лай и думал.

Решение, которое он принял вчера вечером, не было решением. Это было узнавание. Как когда хирург ставит диагноз — он не «решает» поставить диагноз, он просто видит то, что уже есть. Болезнь была. И лечение было.

Ему нужен был план. Не план мести — план лечения. Врач не действует импульсивно. Врач изучает анамнез, проводит диагностику, назначает терапию.

Ему нужны были пациенты. Не животные — люди. Те, кто держал кувалду. Те, кто стоял рядом с умирающими животными и курил. Те, для кого убийство было нормой.

Где их искать?

Он уснул только под утро, когда лай за окном стих.

В клинику он пришёл в шесть утра — на полчаса раньше обычного.

Элин уже была на месте. Она стояла в приёмном покое и заполняла журналы. Увидев Ларса, она подняла голову и нахмурилась.

— Доктор Тумберг? Вы... в порядке?

Ларс посмотрел на неё. Он знал, что выглядит не лучшим образом. Тени под глазами. Кожа серая. Рубашка помята — он не погладил её утром. Он вообще не помнил, одевался ли он.

— В порядке, — сказал он. — Просто плохо спал.

Элин не поверила. Она знала его слишком хорошо. Ларс никогда не спал плохо. Он спал как хирург — крепко, без сновидений, просыпаясь за пять минут до будильника.

Но она не стала расспрашивать. Она просто кивнула и вернулась к журналам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.